

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 930.1

Мазаев Р.М.¹

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ:
СООТНОШЕНИЕ ПАМЯТИ И ИСТОРИИ**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Mazaev R.M.

**REPRESENTATIONS OF THE PAST:
THE RATIO OF MEMORY AND HISTORY**

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Резюме: Рассматриваются виды представлений о прошлом. Для их определения используется терминология, предложенная третьим поколением историков «школы анналов». Понятию «память» дается следующая дефиниция - форма социальной или культурной памяти, передающаяся в рамках традиции и находящаяся в прямой связи с ценностным набором и установками идентичности определенной общности - носителя памяти. «История» – целенаправленно сконструированный нарратив, претендующий на объективность собственного содержания и оценок, не соотносящийся напрямую с ценностями определенной социальной общности. Появление такой формы общественных представлений о прошлом как позитивистская история связано с формированием наций – воображаемых сообществ (по определению Б. Андерсона). Однако разрушение исторической памяти, являющейся символической основой идентичности социальных общностей, противоречит возможности существования наций. Базовой единицей общественной памяти является «место памяти» – реальный или воображаемый объект, причисляемый к набору конвенционально принятых в определенной общности символов, поддерживаемых ее идентичность. Мемориализация мест памяти является основным средством поддержания идентичности в сфере общественных представлений о прошлом, формой его «освоения».

Ключевые слова: социальная память, места памяти, историография, освоение прошлого, публичная история, массовое сознание, мемориализация.

Abstract: The article discusses the types of representations of the past. For their definition, the terminology proposed by the third generation of historians of the Annales school is used. *Memory* as a form of social or cultural memory that is transmitted within the framework of tradition and is directly connected with the value set and the identity of a certain community - the carrier of memory. *History* is a purposefully constructed narrative, claiming to be objective in its own content and assessments, not directly related to the values of a certain social community. The emergence of such a form of public perception of the past as a positivistic history is connected with the formation

¹ **Мазаев Руслан Михайлович** – студент института истории Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: ruX12345@gmail.com

of nations — imaginary communities (as defined by B. Anderson) — but the destruction of historical memory, which is the symbolic basis of the identity of social communities, contradicts the possibility of nations being. The basic unit of public memory is a *memory space* - a real or imaginary object, ranked among the set of symbols, conventionally accepted in a certain community, supported by its identity. Memorialization of places of memory is the main means of maintaining identity in the field of public ideas about the past, a form of its “mastering”.

Keywords: social memory, memory space, historiography, mastering the past, public history, mass consciousness, commemoration.

Память и история

Последние четыре десятилетия ознаменованы особой тенденцией в области общественного сознания, которая наиболее отчетливо проявляется в «западном» обществе. Происходит изменение восприятия прошлого, усиливается интерес к проблеме памяти. Данный интерес во многом вызван тем, что постиндустриальное общество подходит все ближе и ближе к точке бифуркации, при которой прежние отношение к прошлому, как предмету коллективной памяти общества, может претерпеть значительные изменения.

Переход от всеобщей памяти крупных социальных общностей, выраженных в XIX – XX вв. воображаемым сообществом – нацией [1, с. 25-33; 12, с. 205-213], связан с двумя глобальными факторами: интенсификацией жизни общества и глобализацией культуры со всеми сопутствующими процессами [9, с. 21-26]. С одной стороны, уже к середине XX в. перестали существовать социальные общности, способные транслировать всеохватываю-

щее мировоззрение, доминирующие в сознании ее членов, то есть традицию [7, с. 557-559]. В современном мире человек подвержен практически постоянной мобильности как географической, так и социальной. Что, однако, не приводит к утрате его интереса к прошлому, наоборот, прошлое все больше привлекает его.

Прошлое выступает уже не как собственная память, не как совокупность воспоминаний, имеющих значение символов и основания для идентичности сплоченной группы, которая хранится и передается в ее рамках. Современное человечество видит свое прошлое через призму рефлексии, то есть истории – продукта специфической социальной практики историописания, рефлексии по поводу прошлого, которая оборачивает ее в некие конструкции, осуществляет отбор и систематизацию, руководствуясь социальными, политическими и иными установками присущими творцу исторического нарратива. Причем создателями истории как феномена общественно-

го сознания выступают не только академические историки, да и не столько историки вообще, но все те авторы предметов культуры, которые обращаются к прошлому.

Продукт историописания – исторический нарратив, можно отделить от феномена памяти лишь в абстракции. Мы можем представить себе эту ситуацию, если обратимся к представлению общества о прошлом как к некоему тексту. С этой точки зрения, память есть эпистема (по терминологии М. Фуко) знаний о прошлом, совокупность воспоминаний, являющихся предпосылками для формирования конкретного повествования, некоей линии, на которую нанизываются воспоминания, очерченные рамками культурной памяти. Таким образом, история есть актуальный дискурс о прошлом в отношении сознания группы носителей воспоминаний [9, с. 20].

Процесс формирования истории приводит к разрушению неотчужденной памяти, поскольку история не воспринимается как собственные воспоминания социальной общности, она не имеет символического значения, способного соединять прошлое с настоящим. Подмена памяти историей разрушает функцию воспоминаний о прошлом – создание коллективной идентичности посредством общего (мифологизированного) прошлого [3, с. 300]. Этот про-

цесс сопровождается отчуждением и самих «останков» прошлого, материалов, используемых для его воссоздания и освоения. В связи с чрезвычайно активным ростом архивов и переходом к электронным средствам хранения информации, создание прошлого становится доступным для практически неограниченного круга лиц. Прошлое профанируется и индивидуализируется [5, с. 127-132]. Этим вызван усиленный интерес отдельных сообществ к собственному прошлому, формированию своей квази-традиции [9, с. 30-34].

Обе формы организации воспоминаний, однако, на практике неотделимы друг от друга, прежде всего потому, что историческая память общества, с момента утраты влияния исторической традиции, соотносится с прошлым как с областью отчужденной [7, с. 10-16]. Между настоящим и даже недавним прошлым находится экзистенциальная грань, которая строит оппозицию «мы» и «другие», те, кто жили раньше (пусть даже это были бы «мы» несколько лет назад) [14, с. 22, 388-389]. Именно с этим связан феномен культуры «ретро», обращаясь к недавнему прошлому, к чертам эпохи, наиболее ярко запомнившимся поколению носителей воспоминаний [17, с. 206-216].

Раздробление коллективной памяти нации ставит под вопрос суще-

ствование наций в будущем. Может ли при отсутствии обращенности к прошлому, к собственной коллективной идентичности, продолжать жизнь нация и национальное государство [2, с. 11]? Ведь память каждой социальной общности становится в отношении своей ценности схо-

жей. Эта проблема предопределена усилением релятивизма в сфере идеологии, порожденного развитием СМИ, а так же общественной эмансипацией социальных, религиозных, этнических и иных меньшинств и субкультур [13, с. 9-10].

Механизм формирования социальной памяти

Обращение к проблеме памяти требует рассмотрения механизмов ее формирования. Я. Ассман, опираясь на выводы французского социолога М. Хальбвакса, указывает на ее трехчастную структуру [2, с. 15-17]. Как только память общества фиксирует некое воспоминание, оно включается в ментальную структуру [15, с. 11-13]. Ее оформление осуществляется посредством «рамки памяти»:

- Воспоминаний о важных событиях, имеющих принципиальную значимость для памяти общества;
- Пространственных и хронологических структур, как функций социальной памяти;
- Языка.

Важно отметить, что хронологические и пространственные структуры являют собой некий континуум, складываемый вокруг социально значимых воспоминаний. Ярким примером демонстрирует это явление формирование сакральной географии Святой Земли, которая опирает-

ся не на собственно исторические данные (в позитивистском понимании истории), но на церковную канонику. Канон является формируемым социальным институтом церкви нормативом в отношении памяти, поддерживаемый верованиями и практиками [15, с. 244-252].

В дальнейшем элементы памяти закрепляются, входя в повседневную практику через техники тела и ритуалы, лексику, групповые и индивидуальные переживания. Заметим, что М. Хальбвакс, в отличие от Я. Ассмана, рассматривал память как феномен лишь социальный. Рамки памяти и оформленные ими воспоминания представлялись французскому исследователю как «социальный факт» (по Э. Дюркгейму), то есть объект, существующий лишь в социальной реальности – общественном сознании. Индивидуальная психика и память принималась лишь как функции от социальной памяти. Общество осуществляет контроль над памятью индивида посредством

социальных санкций. В случае если воспоминание неприятно или опасно для общества – оно вытесняется механизмом санкционирования и самоконтроля. Однако факт наличия контроля социальной памятью индивидуальной демонстрирует неверность подхода, редуцирующего индивидуальную память к социальной. Ведь изменение содержания индивидуальной памяти требуется влияние социальной, а, следовательно, первая находится в автономном положении от второй [2, с. 38].

Также значимую роль играет целенаправленная мемориализация прошлого, создание символических культурных объектов социальными институтами для утверждения в памяти требуемых воспоминаний.

На этом основании выделяются:

- предметная память – воспоминания о символическом значении материальных объектов;
- миметическая память – совокупность закрепляемых в культуре и индивидуальной психике поведенческих образцов;
- коммуникативная память – форма взаимоотношения значений и означаемого в языке, лингвистический тезаурус;
- культурная память – совокупность воспоминаний отобранных в ходе социальных практик и целенаправленной рефлексии [2, с. 38]. Культурная память являет собой

синтез воспоминаний, содержащий общий набор символических и функциональных элементов, на котором основывается взгляд на прошлое и групповая идентичность.

Развитие культурной памяти связано с изменением господствующей идеологии, механизм изменения ее специфики связывается с ротацией политических и интеллектуальных элит [16, с. 42-64], а также способами передачи информации [8, с. 194-217]. Если при господстве устного характера передачи памяти, этнической памяти по терминологии Ж. Ле Гоффа, она предстает как знание о мифологии, а связи - рамки памяти -, конструируются средствами концепции генеалогии и достижений культурных героев [5, с. 84-86]. То в письменный период память становится развернутым нарративом, в ее отношении уместно сравнение с хроникой или списком событий, которые начали составляться с самого начала истории письменности. Их написание было предопределенно не только лишь процессом формирования централизованной власти, стремившей подчинить себе сферу культурной памяти, «осваивая» прошлое (и тем самым подчиняя его себе), но и новым характером взгляда на прошлое, как на оформленный нарратив [5, с. 89-92].

Здесь можно увидеть тот процесс, который был рассмотрен Э.

Саидом в его работе «Ориентализм». Система историописания представляет, как социальная практика, важнейший элемент механизма репрезентации в отношении коллективных образов «мы» и «другой». Причем строятся они в различных плоскостях общества: социальными, этническими, политическими, религиозными и иными общностями [10, с. 34-37, 441-447].

Оформление культурной памяти происходит под влиянием усиления чувства отчуждения к прошлому, то есть становления воспоминания «иным» в рамках памяти. Это отчуждение, как правило, связано и с институционализацией памяти, которая осуществляется в социальных общностях – носителях этой памяти.

Закрепление памяти происходит через посредство создания «мифов»

– воспоминаний о некоем явлении, имеющих конвенциональное толкование в общности, хранящей этот миф [2, с. 55]. Выделяются их «холодная», связанная с обоснованием существующего положения дел, и «горячая», направленная на создание представления о деформированном положении нынешнего порядка, функции. Причем этот миф может помещаться на хронологической шкале как в прошлом, так и в будущем, получая эсхатологический оттенок, которым обладают не только религиозные учения о спасителях [2, с. 85-89], но, например, и политические идеологии модерна, направленные на построения некоего идеального общества (либеральный, коммунистический и националистический «миф» [11, с. 64-68, 89-96]).

Места памяти

Структурным элементом памяти о прошлом является «место памяти». Объект, который принимается обществом как значимый и наделяется функциональной (формирование идентичности) и символической (напоминание об определенной идеи) составляющей. Места памяти имеют материальное отражение в исторических нарративах, архитектуре, географических объектах, праздниках, личностях, заслуживших быть предметом памяти в связи

со своим функциональным и символическим значением в отношении коллективной памяти. Под историческими нарративом в случае «мест памяти» имеется в виду тексты, которые имеют конвенциональное значение для формирования прошлого, причем их значение обретается не только в связи с тем, что текст содержит описание некоего исторического события. Это и те тексты, которые сами выступают материалом для формирования воспоминаний,

оказавшие эффект на формирование идентичности. Таковыми могут быть: школьные учебники, художественные произведения, объявления, прокламации и др. [9, с. 41-45].

Рассмотрим пример одного из «мест памяти» в прошлом французской нации. Обращение к ней диктуется рядом особенностей. Это дуальная этничность в официальной идеологии – происхождение нации от галлов и франков, и высокой уровень активности гражданского общества, выражаемый в республиканизме.

Так, в отношении памяти французской нации, «местом памяти» выступает, например, фигура Жанны д'Арк. Как указывает М. Винок [4, с. 225-296], Орлеанская Дева представляет некий символ, отсылающий к идее постоянного единства Франции (Жанна выступила в борьбу с феодальной раздробленностью) и избранничества (понимаемого в религиозном, национальном или ином плане). К началу XX в. выкристаллизовались основные подходы к пониманию феномена Жанны. В 1894 г. произошло признание Жанны святой католической церкви. Столь поздняя дата была связана с тем, что к сожжению девы имела причастность сама церковь, следовательно, признание святости ставило вопрос

об ошибке в решениях церковного трибунала. Жанна становится символом католической Франции, проводником божественного Проведения, спасшего королевский дом и народ Франции. Пьер Кошон – епископ города Бове и председатель руанского инквизиционного суда -, становится фигурой овеянной «черной исторической легендой». Достаточно близкой к этой концепции находится националистическое толкование феномена Жанны, сформировавшейся также в начале XX века, Жанна рассматривалась как «продукт кельтской расы и христианского духа» Франции. Налиествовало толкование Жанны в духе республиканизма, правого – видевшего в ее подвиге проявление народного суверенитета, и левого – противопоставлявшего Жанну церкви и монархическому строю.

В заключение следует указать, что прошлое в рамках общественного сознания является в форме отражения или в символической памяти, или отчужденной, объективной, в рамках позитивизма, истории. Формирование представлений о прошлом связано с функциональным и символическим значением, имеющимся у воспоминаний, которые аккумулируются в объектах культурной памяти – «местах памяти».

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Барт Р. Мифологии // Пер. С Зенкина. М.: Академический проект, 2008. 512 с.
4. Винок М. Жанна д'Арк // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуфа и др. / Пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999. С 225-296.
5. Ле Гофф Ж. История и память / Пер. К.З. Акоюн. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
6. Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Основания легального авторитета: манипуляция и убеждение // ПОЛИТВОК. 2013. № 3. С. 8-20.
7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. А.В. Говорунова. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 624 с.
8. Луман Н. Эволюция. Общество общества / Пер. А. Антоновского. М.: Логос, 2005. 256 с.
9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуфа и др. / Пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
10. Саид Э. Ориентализм / Пер. А. В. Говорунова. М.: «Русский мир», 2006. 560 с.
11. Талал А. Что могла бы представлять собой антропология секуляризма? // Фило-софско-литературный журнал Логос. 2011. № 82. С. 56-99.
12. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2002. 527 с.
13. Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуфа и др. / Пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. М.: А-сад, 1994. 408 с.
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. С.Н. Зенкиной. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
16. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. А.В. Гордона. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
17. Hillier B. Style of the Century: 1900-1980. New York: Dutton, 1983. 239 p.

References:

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Trans. V. Nikolaev. Moscow, Kuchkovo pole, 2016, 416 p.
2. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Trans. M.M. Sokolskja. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004, 368 p.

3. Bart R. Mifologii [Mythologies]. Trans. S Zenkin. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008, 512 p.
4. Vinok M. Zhanna d'Ark [Joan of Arc]. *France - memory*. Ed. P. Nora and M. Ozufa. Trans. D. Hapaeva. Saint-Petersburg, Publishing of Saint Petersburg State University, 1999, 225-296 p.
5. Le Goff Zh. Istorija i pamjat [History and Memory]. Trans. K.Z. Akopjan. Moscow, ROSSPJeN, 2013, 303 p.
6. Ledjaev V.G., Ledjaeva O.M. Osnovaniya legal'nogo avtoriteta: manipuljacija i ubezhdenie [Bases of Legal Authority: Manipulation and Belief]. *POLITBOK*, 2013, no. 3, pp. 8-20.
7. Loujental' D. Proshloe – chuzhaja strana [The Past is a Foreign Country]. Trans. A.V. Govorunova. Saint-Petersburg, «Vladimir Dal», 2004. 624 p.
8. Luman N. Jevoljucija. Obshhestvo obshhestva [The Society of Society]. Trans. A. Antonovskogo. Moscow, Logos, 2005, 256 p.
9. Nora. P. The realms of memory: Rethinking the French past. *France - memory*. Ed. P. Nora, M. Ozufa. Trans. D. Hapaeva. Saint-Petersburg, Publishing of Saint Petersburg State University, 1999, p. 17-50.
10. Said. Je. Orientalism. Trans. A. V. Govorunova. Moscow, «Russkij mir», 2006. 560 p.
11. Talal A. Chto mogla by predstavljat' soboj antropologija sekularizma? [What could be the anthropology of secularism?]. *Philosophical and Literature Magazine Logos*, 2011, no. 82. pp. 56-99.
12. Uajt H. Metaistorija. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka [Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Trans. Trubina V.V., Haritonova. Ekaterinburg: Publishing of Ural Federal University, 2002, 527 p.
13. *France - memory*. Ed. P. Nora, M. Ozufa. Trans. D. Hapaeva. Saint-Petersburg, Publishing of Saint Petersburg State University, 1999, 328 p.
14. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [The Archaeology of Knowledge]. Trans. V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Moscow, A-sad, 1994, 408 p.
15. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati [On collective memory]. Trans. S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 348 p.
16. Jejzenshtadt. Sh. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij [Revolution and the Transformation of Societies]. Trans. A.V. Gordona. Moscow, Aspekt Press, 1999. 416 p.
17. Hillier B. Style of the Century: 1900-1980. New York: Dutton, 1983. 239 p.